

трехмерной основе системе ценностных ориентаций и вытекающей из нее японской этно-эстетической специфике посвящена значительная часть этой главы.

Седьмая, заключительная глава книги Бефу посвящена проблеме модернизации. В ней проводится важное теоретическое различие между модернизацией, европеизацией и индустриализацией и рассматривается ход и взаимосвязь этих процессов в современной Японии. Автор показывает, что успех модернизации в XIX—XX вв. был подготовлен предшествующим развитием страны, демонстрирует ту роль, какую сыграла в этом процессе исторически обусловленная склонность японцев к культурным заимствованиям, как вписались в этот процесс традиционные институты. Однако в наше время, по мнению Бефу, «окаменевшие» традиционные институты и предпочтение заимствованию перед самостоятельной разработкой становятся помехой на пути дальнейшего развития японского общества. Его будущее зависит от того, насколько успешно оно сможет преодолеть эти окаменевшие традиции, будь то в системе образования, научно-технического поиска, организации труда и рынка рабочей силы и в ряде других аспектов.

В заключение следует сказать, что глубокая и содержательная книга Бефу в известной мере отмечает тот уровень, который достигнут американским этнографическим и социологическим японоведением, и подчеркивает те проблемы, которые в настоящее время стоят не только перед американскими, но и перед японскими этнографами и социологами. В то же время в книге проявился характерный для американской этнографии «психологический» кризис, отсутствие интереса к настоящему классовому анализу социальных взаимоотношений и их экономической подоплеки. Но, несмотря на эти существенные недостатки, книга Бефу представляет собой значительный вклад в мировое этнографическое японоведение.

С. А. Арутюнов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

О новом издании в США труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Frederick Engels. The origin of the family, private property and the state. Edited, with an introduction by Eleanor Burke Leacock, New York, 1972.

Выход в свет в США в 1972 г. нового издания на английском языке классического произведения Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» является, несомненно, знаменательным событием в истории американской социальной мысли в целом и американской этнографии в частности. Это событие тем более заслуживает внимания, что редактором книги и автором большого введения является видный этнограф США профессор Элеонора Ликок. Как известно, деятельность американских этнографов в течение десятилетий была направлена на дискредитацию якобы на основе «новых эмпирических данных» важнейших выводов книги Ф. Энгельса, хотя и делалось это под видом критики книги Л. Г. Моргана «Древнее общество».

Настоящее издание работы Энгельса как бы завершает путь, проделанный американской этнографической наукой — от Моргана и Энгельса к отрицанию их работ и к современному повороту к ним значительной части американских этнографов.

За этот период среди этнографов США постепенно формировалось прогрессивное крыло ученых, начинавших критически пересматривать антиэволюционизм представителей исторической школы в американской этнографии. Пионером в этом движении был, несомненно, Л. Уайт, вокруг которого сложилась группа ученых. Многие из них пошли по пути неозволюционизма, другие же избрали путь более радикальный — приближения к марксистскому учению об обществе. Ярким представителем этой группы американских этнографов является Э. Ликок. Она известна своими этноисторическими исследованиями американских индейцев, конкретными материалами которых она обосновывает свою критику антиисторических концепций антиэволюционистов. Вышедшие за последние два года под ее редакцией и с ее участием книги «Культура нищеты: критика» и «Индейцы Северной Америки в исторической перспективе»¹ являются важными вехами в развитии этнографии США по пути отхода от релятивистского позитивизма старых школ. Большое внимание уделяет Э. Ликок современным социально-политическим проблемам США.

Как подготовительный этап к изданию книги Энгельса можно рассматривать большую работу, проделанную Э. Ликок по оценке в свете новых данных важнейших теоретических выводов Л. Г. Моргана. Эта работа была выполнена в связи с опубликованным ею в 1963 г. новым изданием «Древнего общества»². В большом предисловии к

¹ «Culture of poverty: critique», N. Y., 1971; «The American Indians in historic perspective», N. Y., 1972.

² H. L. Morgan, Ancient Society (Edited with an introduction and annotations by E. B. Leacock), N. Y., 1963.

труду Моргана Э. Ликок убедительно показала несостоятельность полувековых попыток этнографов США опровергнуть основные положения Моргана по истории первобытности.

В предисловии к труду Энгельса Э. Ликок продолжает свой критический анализ современных школ и направлений в этнографической науке Запада. Она отмечает заметный поворот в американской этнографии к теоретическим обобщениям, а в связи с этим к изменению отрицательного отношения ученых к эволюционизму и марксизму. Критики эволюционизма как историко-философской теории об общих закономерностях исторического процесса пытались, по словам Э. Ликока, обособивать свои воззрения «новой информацией», якобы свидетельствующей «о безграничном разнообразии образцов жизни народов мира» (стр. 16), исключая возможность выявления общих закономерностей. Она отвергает эти рассуждения с историко-материалистических позиций. Накопление фактов,— пишет Ликок,— говорит не только о многообразии... Вместе с ним все очевиднее становится, что различия между отдельными культурами основываются на базисных различиях между обществами, стоящими на различных уровнях развития производства» (стр. 16—17).

Защищая от необоснованной критики периодизацию истории, разработанную Морганом, она пишет о несостоятельности обвинений его «в подгонке фактов под схему исторических периодов... Теория истории, содержащаяся в „Древнем обществе“, выросла из проблем, поднятых эмпирическим исследованием» (стр. 9), хотя истоки ее и уходят в историко-философские учения XVIII—XIX вв.

Критикуя антимарксизм в этнографии Запада, Э. Ликок пишет: «В академических кругах Запада существует множество различных представлений об идеях марксизма, но работы Маркса и Энгельса читаются редко. Обычной практикой является изображение марксистской теории как некоего соломенного чучела экономического детерминизма, которое затем ниспровергается» (стр. 15). Вместе с тем она отмечает, что экономический детерминизм пользуется большой популярностью среди неэволюционистов, тогда как диалектико-материалистическое понимание истории ими отвергается. Наиболее рьяным его противником, по ее словам, является профессор Колумбийского университета Марвин Харрис (стр. 18).

Затрагивая весьма популярный на Западе вопрос о соотношении концепций первобытности, изложенных в книге Ф. Энгельса и работе Л. Г. Моргана, Ликок убедительно говорит об ошибочности их отождествления. Она показывает несостоятельность распространенного на страницах западных этнографических изданий взгляда, будто марксистская периодизация истории сложилась под влиянием периодизации Моргана. Западные ученые, по ее словам, пытались «оперируя отдельными ошибками Моргана», дискредитировать периодизацию истории, разработанную в труде Ф. Энгельса.

Э. Ликок знакомит читателей английского издания книги Энгельса с тем, как К. Маркс и Ф. Энгельс еще задолго до выхода в свет «Древнего общества» Моргана, занимаясь разработкой материалистического понимания истории и намечая ее важнейшие этапы по формам собственности, нащупывали раннюю стадию человеческого общества, которая, по их определению в «Немецкой идеологии» (1846), отличалась «племенной» формой собственности. Книга Л. Г. Моргана, как справедливо отмечает Э. Ликок, давала им материал для конкретизации их представлений о социальных и экономических формах этой ранней стадии истории человечества. У Моргана они нашли также конкретные данные, «характеризовавшие стадии возникновения частной собственности» (стр. 11).

Говоря о Л. Г. Моргане как о внимательном исследователе конкретных институтов и обществ, но «непоследовательном материалисте» и ученом-прагматике, Э. Ликок пишет, что на долю Ф. Энгельса выпала задача «заострить важнейшие проблемы, которые были лишь поставлены в работе Моргана» (стр. 11). Хотя Ф. Энгельс, пишет она, и принял критерии периодизации Моргана, но он показал, что главные различия между эпохами дикости, варварства, цивилизации сводятся к различиям в развитии производительных сил (стр. 13).

Деление истории первобытности на эпоху дикости как эпоху присваивающего хозяйства и эпоху варварства как эпоху становления производящих форм хозяйства, по мнению Э. Ликока, «сейчас признается почти всеми учеными» (стр. 13).

В своем предисловии Ликок отстаивает энгельсовское определение производственных отношений на раннем этапе человеческой истории как первобытнокоммунистических и связанное с этим важнейшее положение марксизма об исторически преходящем характере классового общества.

Она подвергает критике попытки американских этнографов отвергнуть концепцию первобытного коммунизма либо путем релятивистских утверждений о неуниверсальности первобытнокоммунистических отношений, либо на основе «новых эмпирических данных», якобы свидетельствующих об извечности частной собственности и классов. Своими конкретными историко-этнографическими исследованиями индейцев Лабрадора она показывает фактическую необоснованность широко использовавшихся в западной науке выводов Ф. Слека, пытавшегося на примере этих племен доказать существование частной собственности у якобы первобытных охотничьих народов³.

³ E. Leacock, *The Montagnais «hunting territory» and the fur trade, Menasha*, 1954.

Справедливо критикует она также попытки доказать извечность классов путем экстраполяции в глубокую первобытность деления на ранги-статусы, возникшего в некоторых племенных обществах. Э. Ликок бесспорно права, когда пишет, что деление на ранги — это еще не есть классовая дифференциация. Но сомнение вызывает ее (так же как и Моргана Фрида⁴, на которого она ссылается), попытка внеэкономической трактовки рангов-статусов, и утверждение, что ранги могут существовать и при отсутствии стратификации. Социально-экономическая сущность обществ, в которых зафиксировано наличие рангов, убедительно свидетельствует о начавшемся в них процессе классовобразования, и появление рангового деления было одним из его проявлений и этапов. Например, у племен северо-западного побережья Северной Америки, чаще всего приводимых в качестве классического примера обществ, в которых «существуют ранги при отсутствии стратификации» (стр. 20), как известно, существовало наследственное рабство, а следовательно, и «стратификация» на рабов, рабовладельцев и не имевших рабов общинников, часто попадавших к кабальной рабство⁵.

Главный способ доказательства извечности классов заключается в попытках сторонников этой теории арханализировать общества, находившиеся уже на разных этапах перехода от родового строя к классовому. Не случайно Э. Ликок подчеркивает здесь же, что многие этнографы Запада ошибочно характеризуют народы Западной Африки, Мексики, Андского нагорья, Полинезии как примитивные, между тем как они находились на стадии раннеклассового общества.

В этой же связи она говорит о несостоятельности распространенного на Западе мнения, что якобы Ф. Энгельс относил к первобытнокоммунистическим все неевропейские народы (стр. 21). Она подвергает критике также попытки отрицания первобытнокоммунистического этапа в истории человечества представителями английской функциональной школы.

Много интересных мыслей высказала Э. Ликок в разделе, посвященном показу истинной сущности взглядов Ф. Энгельса на брак и семью и их оценке в свете новых данных. Прежде всего она отмечает ошибки Моргана в трактовке кровнородственной семьи и брака пуналуа как обязательных социальных форм перехода от промискуитета древних орд к родовой организации. Как известно, Ф. Энгельс в четвертом издании своего труда смягчил категоричность утверждений Моргана; в трудах же советских ученых показана несостоятельность этой гипотезы Моргана.

Э. Ликок подвергает критике концепции об извечности малой семьи, отрицавшие возможность существования некогда группового брака. Она пишет о неверном толковании взглядов Ф. Энгельса на групповой брак. «Подлинное понимание Энгельсом группового брака, — по ее мнению, — соответствует тому, что ныне в антропологии стали определять как «свободная моногамия» (стр. 30). Нельзя сказать, чтобы данное понятие точно соответствовало тому, что понимал Энгельс под групповым браком⁶, но оно, несомненно, противоположно трактовке группового брака как «массового вступления в брак» (стр. 30).

Э. Ликок принимает положение Ф. Энгельса о том, что моногамная семья отличается от парной тем, что является экономической единицей в обществе. Однако, на наш взгляд, она слишком модернизирует возникновение моногамной семьи, считая, что она появляется лишь с возникновением классов и эксплуатации. Ф. Энгельс, как известно, связывал возникновение моногамии с появлением частных богатств. По мнению же Э. Ликока, парная семья еще существует в условиях возникшего «обмена богатствами — скотом, пищей, предметами роскоши — между родственниками жениха и невесты» (стр. 36). Думается, что калым и приданое — это уже атрибуты моногамной семьи.

Не совсем верно, на наш взгляд, трактует Э. Ликок известное высказывание Ф. Энгельса о двух формах производства, делая из него вывод, что Энгельс якобы «допускал независимое развитие семьи» (стр. 28). По Энгельсу, производство средств существования и производство самого человека — это две стороны «производства и воспроизводства непосредственной жизни», которое «бывает двойного рода»⁷.

В неразрывной связи с проблемами семьи и брака ставится в американской этнографии вопрос о роде. Э. Ликок связывает существование рода с парной семьей, но, следуя еще традициям американской этнографической школы, допускает существование родовой организации лишь у сельскохозяйственных народов, видя в ней форму организации сельской общины, «форму структуры общинной жизни». Из ее характеристики «линиджа» как экономической ячейки внутри рода очевидно, что речь идет о большой семье, состоящей из «дедов, родителей и детей с супругами». Домохозяйство в духе Ф. Энгельса характеризуется ею как коммунистическое, не знающее угнетения и неравенства. В предложенной здесь Ликок интерпретации рода улавливаются поздние, уже

⁴ M. Fried. On the concept of «tribe» and «tribal society», «Transactions of the New York Academy of Sciences», Series II, vol. 28, № 4, 1965/1966.

⁵ См.: Ю. П. Аверкин и е в а, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, М., 1961.

⁶ См. об этом: Ю. И. Семенов, Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 21, стр. 25—26.

пережиточные черты родового устройства в условиях формирования сельской общины. Они хорошо прослежены Г. Хикерсоном⁸ на конкретном примере формирования сельской общины у оджибвеев XVII в. из первоначально разрозненных локализованных родов.

Род и счет происхождения у Ликок не обязательно взаимосвязанные явления. Но, ставя вопрос об исторической последовательности матрилинейности — патрилинейности, она склонна считать матрилинейность универсальным явлением. «Совершенно ясно, — пишет она, — что матрилинейная система уступила место патрилинейной вместе с развитием эксплуататорских классовых отношений» (стр. 29, 35). В то же время она высказывает сожаление, что в этнографической науке слишком большое внимание было уделено положению Энгельса о том, что матрилинейность предшествует патрилинейности, и не изученным остался такой важный вопрос, как положение женщины в обществе. Она подчеркивает огромное значение высказываний Энгельса по этому вопросу для современной борьбы женщин за демократические права.

Английский текст труда Энгельса тщательно ею выверен по немецкой публикации в 21-м томе собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (Берлин, 1962). Исправлены неточности, встречавшиеся в предшествующих английских изданиях этого труда. Текст книги снабжен примечаниями, показывающими современное состояние того или иного из затронутых Ф. Энгельсом вопросов. В качестве приложения опубликована работа Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Обстоятельный анализ значения важнейших положений труда Ф. Энгельса в свете современных ему научных представлений об отсталых народах мира приводит Ликок к выводу, что «хотя книга Энгельса была написана задолго до того, как был накоплен доступный ныне материал об отсталых и раннегородских обществах, основные положения его очерка истории не потеряли своего значения» (стр. 7).

Очень важно, что в своем предисловии Э. Ликок попыталась показать взгляды основоположников научного коммунизма в очищенном от искажений виде. Нет никаких сомнений в том, что это издание продиктовано потребностями современной социальной науки США и будет иметь огромное значение для развития теоретической мысли в американской этнографии.

Ю. П. Аверкиева

⁸ H. Hickerson, The Southwestern Chippewa, an ethnohistoric study, «American Anthropological Association Memoir», № 92, Menasha, 1962.

Карпатский сборник (отв. ред. Ю. В. Бромлей), М., 1972, 139 стр.

Карпаты — живописнейший уголок Восточной Европы — отличаются необычайной пестротой национального состава населения. Край, где бок о бок живут и трудятся представители более чем тридцати национальностей, — своего рода лаборатория для изучения этнокультурных процессов. Здесь издревле сталкивались и перекрещивались исторические судьбы славян, мадьяр, восточных романцев и немцев. В Карпатах, пожалуй, больше чем где-либо сохранились элементы древней культуры славян и других народов. Вот почему вряд ли можно переоценить огромное теоретическое и практическое значение комплексного изучения богатейшей самобытной культуры народов этого региона совместными усилиями этнографов, лингвистов и историков СССР, ГДР, ЧССР, ВНР, СРР.

Выход в свет рецензируемого сборника — первого в серии публикаций, намеченной Международной комиссией по изучению народной культуры Карпат и прилегающих к ним областей (МККК), является наглядной иллюстрацией действительности и неосценимых преимуществ международного сотрудничества ученых социалистических стран.

Прежде чем перейти к характеристике сборника и помещенных в нем материалов по существу, следует сказать несколько слов о принципах работы и целях упомянутой Международной комиссии. Основная цель ее — координация исследовательских работ в области изучения культуры и быта населения Карпат. Для получения сопоставимых данных Комиссия выработала единую для всех стран — участниц Комиссии подробную программу сбора материала по определенным элементам культуры и быта. Собранные материалы публикуются в национальных сборниках серии «Ethnographica Carpathica».

В рецензируемом сборнике сосредоточены главным образом данные полевых исследований советских ученых, которые вместе с материалами, собираемыми синхронно учеными других стран карпатского региона, должны послужить базой для широких научных обобщений по проблемам этногенеза, формирования народной культуры и этнокультурным взаимосвязям населения Карпат.

На первой стадии работы главное внимание по рекомендации МККК во всех странах, в том числе в СССР, уделялось изучению отгонного пастушеского хозяйства, так как именно оно во многом определило этнографическое своеобразие жителей карпатской культурно-хозяйственной зоны. Этой проблеме в сборнике посвящены статьи